Все было не так. Со всех сторон его охватывала боль и непрекращающаяся лихорадочная растерянность. Люк просыпался на короткие промежутки времени, больше из-за внезапных вспышек мучительной боли, чем от проблесков сознания. Болеутоляющие, которые раньше приносили облегчение, вводили в оцепенение и сознание, и тело, но теперь, когда ему перестали их давать, он остался наедине с болью, которая пронзала и скручивала его с такой силой, что не было никакой возможности и надежды, чтобы хоть как-то сконцентрироваться и справиться с нею.

Казалось, не было даже краткого мгновения, ни единой секунды отсрочки, чтобы собрать Силу вокруг затуманенных, парализованных мыслей. Боль раздирала все его естество прежде чем он пытался сосредоточить свой разум, омраченный действием остальных лекарств, и он чувствовал себя слишком рассеянным, слишком сбитым с толку, слабым и измученным, чтобы протянуться к Силе, как преподавал ему Мастер Йода. Ему нужен был лишь миг, секундная передышка от всеобъемлющей боли, чтобы собрать свои мысли и попытаться понять то, что мешало ему, но она вонзалась тысячью ножей, скоблила и резала до глубины костей с каждым острым вздохом. Изнурение от усилий, чтобы просто вынести это, уничтожало всякую надежду на концентрацию; слишком много уходило на пересиливание боли, чтобы суметь еще хоть что-то.

Время разбилось на короткие, раздробленные моменты прихода в сознание, перемежающиеся долгими периодами боли, настолько сильной, что он мог только лежать и дышать, больше ничего. Просто сделать вдох в этой агонии было победой, каждый глоток воздуха, проходящий через сведенные мышцы груди и изломанные кости, требовал такой концентрации, что все остальное меркло и исчезало, а его восприятие было заглушено необходимостью бороться с этой режущей на куски агонией.

Иногда он осознавал присутствие других в комнате - Мары, Нейтана или, часто, своего отца - но что-то сказать им, даже просто открыть глаза и взглянуть на них, было невообразимо, абсолютно за пределами возможностей.

Он понятия не имел, сколько прошло времени, но каждое мгновение пылало целую вечность. И, когда наконец этот огонь чуть утих, на самую малость, только, чтобы ощутить рядом своего отца, он потянулся к нему, как к единственному источнику спасения.

- Помоги мне… - это было все, что удалось произнести израненным горлом, борясь с сухостью во рту и рассеченными губами, но человек, которого он так долго и полностью отвергал, подошел к нему тут же, без колебаний.

Вейдер встал у изголовья кровати и бережно взял в руки голову сына, положив большие пальцы на его виски:

- Успокойся, - произнес он ровным глубоким басом, обращаясь к обессиленному сознанию Люка - очень умиротворяюще, утешая и обволакивая, мягко ведя за собой. - Тебе нужно найти свой центр… отступить в Силу. Она везде вокруг тебя. Просто дыши, расслабься. Перестань бороться. Позволь ей вести тебя, позволь ей исцелить тебя. Ты знаешь, как сделать это. Знание внутри тебя. Вспомни этот путь, успокой свой разум и слушай. Все, в чем ты нуждаешься - здесь, в ожидании. Ощути это. Призови к себе. И позволь исцелить тебя.

Ровный гипнотический тон увлекал Люка за собой, успокаивал, сосредотачивал…

Вейдер понятия не имел, мог ли его сын еще сделать это… У Темной Стороны не было способности к исцелению. Она могла придать сил, могла позволить действовать, невзирая на

раны, но она не могла исцелять. Эта способность давно была потеряна для самого Вейдера. Да, он поддерживал состояние сына, пока они возвращались на Корускант, но не более того; он мог только укрепить его, замедлить ухудшение. Способность восстановить или привести в сознание была недоступна ему, и тогда, и сейчас. Все, что он мог сделать - попытаться провести своего сына, показать ему необходимые шаги и надеяться, что Люк все еще способен к этому, к достижению нужного канала Силы, пусть небольшого, но давшего бы ему хоть какое-нибудь облегчение. Хотя в действительности он знал, что это бесполезно - мальчик больше не был джедаем.

Вейдер не мог не думать о том, что у стороны Силы, которую он презирал и отвергал, была власть помочь его сыну, тогда как Тьма, которую он так долго и решительно оборачивал вокруг себя - так уверенно, словно она была самой неуязвимостью - не имела сейчас никакой ценности.

И тем не менее он ощущал, как мальчик успокаивается от его слов, как сбивающий с толку узел боли и смятения, скрутивший его, начинает понемногу ослабевать. Его плечи резко опустились, когда он вновь обрел наконец какую-то связь с Силой, дыхание замедлилось и стало ровным, голова потяжелела в руках. Вейдер почувствовал, как его собственная грудь расслабилась в ответ, понимая, что все это время он оставался натянутым и напряженным, словно электропровод - пока видел страдания сына и никак не мог помочь ему.

Не мог помочь ему… Он протянулся и ощутил восстановленную ментальную связь с сыном и с его... специфичным мышлением, почувствовал его готовность слиться с Силой, не теряя при этом себя, согласиться с ней с изяществом, сдаться ей без подчинения.

Тьма никогда не сдавалась… Поэтому мальчик касался сейчас не ее.

Он знал, что Люк построил свои барьеры, стены внутри стен внутри еще одних стен. Знал, насколько он мог скрывать себя, даже от Императора…

Вейдер протянулся еще раз, чтобы коснуться этого состояния, но оно ускользнуло, словно призрачный туман, рассеялось и уклонилось, полностью скрываясь от него. Однако осталась память мимолетного контакта с этим явлением, и он задумался, пытаясь охарактеризовать его. Это не был Свет... но это была и не Тьма - ни то, ни другое… и в то же время и то, и другое одновременно - бросая вызов любой классификации и давая Вейдеру причину для более глубокого исследования.

Палпатин верил в полное преобразование мальчика, так же, как и Вейдер, даже сейчас… Так что это было?

Что-то… какое-то отдаленное осознание голосов, чувств и различных умов циркулировало в расплывчатом и искривленном восприятии Люка. Голоса бормотали слова, которые он не мог разобрать - словно его обступили тени, хотя сам он оставался в пустоте, находясь в пограничном полубессознательном состоянии, алое облако всеохватывающей боли отрезало его от реальности.

На грудь опустилась рука, холодная как смерть - своим остро-заточенным прикосновением потрясая всю сущность и зажигая старые воспоминания, вытаскивая их на передний план лихорадочного сознания с шокирующей силой и интенсивной ясностью…

…О той комнате - той камере - холодной, как могила, темной, как смола. И о его Мастере, неустанно давящем на него, провоцирующим и карающим, ломая кости и пронзая горящими во мраке кривыми молниями, иссушающими кожу и обжигающими плоть. Настолько жестоко, что

он ощущал, как горят его кости, а мышцы после этого мучило судорогами еще много часов, встряхивая в сознание из забытья, в которое вводил его наркотик, с ощущением крови в горле...

Люк в шоке очнулся, задыхаясь и ожидая удара световой молнии. Он вскинул руки, пытаясь защитить себя, и это движение послало взрыв раздирающей боли, вынуждая кричать. Неумолимая боль пронзала левую руку, грудь и плечи; что-то схватило его, удерживая руки, послышался голос: встревоженный и строгий, взволнованный и требовательный одновременно. В течение долгих секунд Люк был настолько ошеломлен, настолько потрясен этой мукой, что не мог узнать его, не мог понять слова - борясь против того, что схватило его... Затем Мара Джейд позвала его вновь по имени, прося остановиться и заверяя, что все хорошо, что он в безопасности...

Медленно, к нему просочилась реальность, и он изнеможенно замер в ошеломленной тишине. Мара отпустила его руки; боль от внезапного взрыва движений прокатывалась по нему волнами, переворачивая, дезориентируя, вызывая тошноту и рваное дыхание.

Повисла тяжелая выжидающая тишина, затуманенные в Силе личности медленно начали проявляться... Палпатин, Вейдер, Мара, Халлин. И хоть он и знал, что все смотрят сейчас на него, он чувствовал себя слишком слабым, слишком истощенным, чтобы даже просто преобразовать мысли в слова, не говоря уже о том, чтобы высказать их вслух.

Вблизи заскрежетал равнодушный голос его Мастера, нисколько нетронутого произошедшим; его личность приняла размытые очертания и в простом видении Люка, и в Силе.

- Произошел взрыв. Ты был ранен. Ты помнишь это?

Люк закрыл глаза и сделал крохотное движение головой в подтверждение, и даже это действие разразилось фейерверком боли по спине и груди.

- Где? - всего лишь шепот, режущий горло бритвой, но он знал, что Палпатин услышит его и поймет.

- Ты на Корусканте. Ты был тяжело ранен. Покушение на убийство, прошло почти успешно.

В голосе Мастера слышалась толика развлечения, смешанная с негодованием на то, что повредили нечто, принадлежащее ему. Никакой жалости, никакого сочувствия, лишь озабоченность, что его собственность могла быть уничтожена. Но Люк и не ожидал большего. Услышанное медленно проникло сквозь туман сознания, заставляя нахмуриться.

- Убийство?

- Да, друг мой. Их целью был ты, - тон Палпатина не предполагал обсуждения. - Бомбы были взорваны дистанционно, кто-то ждал, чтобы активизировать их. Ждал, когда прибудет их цель. Обе бомбы были слишком маленькими и неправильно расположенными, чтобы уничтожить корабль. У них была совсем другая задача.

- Сколько? - прошептал Люк, заставляя Палпатина нахмуриться. - Сколько… погибло? - он запинался, даже это маленькое усилие истощало его.

Палпатин смотрел с неодобрением, явно не понимая, почему его джедая это волнует, но Мара ответила, смотря на Императора:

- Сорок семь погибших, главным образом - солдат 701-ого. Плюс шестьдесят с лишним раненых. Было бы намного больше, но мы уже находились в режиме боевой тревоги и начали эвакуировать отсеки.

Люк вздохнул, взволнованный, разгневанный, как только осознал факты. Сорок семь погибших. Шестьдесят раненых. Ради чего? Чтобы добраться до одного человека.

Голос Мастера прорезался сквозь мысли:

- Мы найдем, кто это сделал.

- Я хочу получить их, - прошептал он, задыхаясь - вкладывая всю оставшуюся силу в слова - так, чтобы его Мастер запомнил. - Живыми. Я хочу их живыми.

Мастер наклонил голову набок, спрашивая с любопытством и вызовом:

- Для чего?

Он больше не мог говорить, сил не оставалось даже на слабый шепот, но Люк протянулся к Палпатину через Силу, пропуская через эту связь свое возрастающее понимание и гнев. Все свое страстное желание разобраться с этим лично - чтобы посмотреть в глаза напавшим на него, прежде чем он убьет их. Так, чтобы они знали, что именно ОН сделал это. Сам, не прячась за анонимностью безликого оружия, которое убивало и калечило без разбора - но он и его враг, лицом к лицу. Возмездие.

Палпатин снисходительно улыбнулся, ЭТО он понимал.

- Ты получишь их, друг мой, - тихо прокудахтал он, растягивая бледные губы в тонкую линию и смотря, как дрожат сомкнувшиеся веки его раненого, оскорбленного Волка; истощение и раны быстро поглотили вспышку темных эмоций. – Ты получишь свою месть.

- Я думаю, вам нужно знать кое-что, теперь, когда он будет больше бодрствовать, - обратился Халлин к Маре предвещающим недоброе голосом; она привычно сидела рядом с кроватью Люка, смотря на его безмятежное во сне лицо. Несмотря на то, что Люку стало лучше, она по-прежнему оставалась здесь, такая же внимательная, как и раньше. И учитывая то, что Халлин подозревал о них с Люком, он чувствовал, что будет правильным предупредить ее.

Она резко повернулась к нему, и доктор поспешил успокоить ее:

- Не волнуйтесь, ничего ужасного. Просто кое-что, с чем нам, возможно, придется столкнуться в ближайшие недели… и потом тоже.

- Что за кое-что? - спросила Мара настороженно.

- Как правило, в этом состоянии, идущим после выхода из глубокой комы вследствие травмы головы или гиповолемии, пациент может проявлять ряд проистекающих побочных результатов, именующихся в общем, как посткоммоциональный синдром…

- Проще, пожалуйста? - кратко попросила Мара, слыша, как Халлина вновь переходит на свой профессиональный способ изъяснения. Доктор замолчал, подыскивая правильные слова.

- Он может показаться вам несколько… другим. Непредсказуемым, возможно. Люди, после комы, вследствие мозговой травмы, часто показывают новые черты характера, хотя это обычно

временно. Они часто жалуются на скачкообразные мысли, на неспособность спать. Можно заметить, что у них потеряны некоторые социальные функции... Их межличностные суждения могут быть повреждены, поэтому они могут действовать неуместно ситуации или нетипично для себя. Они могут демонстрировать тенденцию к приступам вспыльчивости и гнева, стать более изменчивыми, непоследовательными, проявляя часто колеблющиеся противоречивые настроения.

- Фантастически, - произнесла Мара плоским голосом, в голове пронеслись сотни ужасных сценариев с участием Люка и Палпатина. - Но это временно?

- Вероятно.

- Вероятно это не «да».

Халлин пожал плечами, затрудняясь с ответом.

- Могут быть и какие-то постоянные изменения, сейчас трудно сказать. Могут проявиться несколько или фактически ни одного из этих признаков. Возможно, не будет ничего большего, чем временная потеря памяти и головные боли. Если и проявятся дальнейшие симптомы, максимальное восстановление когнитивных расстройств происходит за первые шесть месяцев.

- Не похоже, что вы так серьезно хотели рассказать мне о чем-то незначительном, Халлин, - сардонически откликнулась Мара.

- Посткоммоциональный синдром общеизвестно непредсказуем, - ответил в свою защиту Нейтан. - Мозг - сложный орган, и личное сознание и когнитивные способности - индивидуальны. Нет никаких данных, какой эффект может быть у чувствительных к Силе существ. Если это вас успокоит, то его кома была относительно короткой, среднего уровня. Против гиповолемии и гипоксии были предприняты максимально возможные срочные меры, плюс больше не было никаких симптомов посттравматической эпилепсии, проявленных во время операций, поэтому все признаки указывают на положительный прогноз. В то же время вы должны знать, что будет затронута его краткосрочная память. Это пока не заметно, потому что он еще не полностью последователен, но у него сейчас нет никакой способности устанавливать новые воспоминания. Это совершенно нормально и здесь не о чем беспокоиться. Помните, что он по-прежнему выздоравливает, и у его мозга просто не хватает средств, чтобы и справляться с ранами, и создавать новые синапсы в настоящее время.

Мара нахмурилась:

- Но он по-прежнему все помнит?

- К счастью, он помнит все, кроме, вероятно, нескольких минут или часов, предшествующих взрыву. Сейчас он просто не способен сохранять информацию от одного своего бодрствования до другого, какое-то время. Это нормально. Сам удар по голове - не проблема. Проблема в возникших в результате опухоли кровоизлиянии и гипоксии - кислородном дефиците – и это означает, что мозг страдает от всесторонних повреждений. Таким образом он, по сути, закрывается на время, теряя при этом какие-то определенные свойства.

С каждым днем ситуация будет улучшаться, но в настоящее время большая часть ваших разговоров будет тратиться на одно и то же.

Так и было: объяснение одних и тех же фактов, снова и снова, начинающее походить на механический процесс. Когда Люк просыпался, Мара рефлекторно рассказывала всю суть

происходящего в одном потоке информации.

Халлин же, будучи значительно терпеливее, гораздо больше потакал желаниям Люка.

Мара действительно раньше не замечала, насколько предан он был Люку, как защищал его; с другой стороны, раньше Люк никогда и не нуждался в этом, раздумывала Мара. Она всегда презирала Халлина, видя в нем лишь предприимчивого подхалима, но за последние несколько недель ее мнение изменилось. Он поддерживал Мару, когда ему это было совсем не нужно, и всегда оставался в медцентре, внимательный, посвященный. Все в его действиях, в его непринужденной, сердечной манере, в открытом и неформальном поведении со Скайуокером – и, что еще более важно, в сопоставимой, комфортной реакции на это Люка - все указывало на давно установленные близкие взаимоотношения.

И как бы ей не хотелось признавать свою неправоту, она пришла к выводу, что доктор искренне заботится о Скайуокере. В конце концов в этом была своя логика: они прибыли во дворец вместе, и с тех пор прошло уже три года, в течение которых они могли разделять общую сумятицу и замешательство, связанные с пребыванием здесь, с поиском своего пути. Три года рядом - довольно приличная часть совместного прошлого, давшая основание для подлинной дружбы.

И в свете нового понимания ее тревожило только одно: когда Палпатин решит использовать это против Люка?

Глаза Люка дрогнули и открылись, останавливая взгляд на Маре. Ее силуэт был еще довольно расплывчатым, но копна подернутых золотом рыжих волос не давала ему ошибиться.

- Привет, Рыжая, - прохрипел он через саднящее горло.

- Привет, Черно-синий.

Она просияла, увидев в ответ улыбку, хоть та и была короткой – болезненный рубец на губах заставил его вздрогнуть. Мара с энтузиазмом собралась выдать свой обычный поток информации, но Люк удивил ее вполне осведомленной репликой, указывающей на то, что он знал больше, чем обычно.

- Думаю, тебе кажется это забавным, - самоотверженно прошептал он, глаза вновь начинали закрываться.

Улыбка сошла с лица Мары, ставшей внезапно очень серьезной:

- Нет, нисколько.

Она протянула руку, чтобы убрать волосы с его лица, но вместо этого, в неком порыве, мягко коснулась огорчавшей ее раны на губах, глубокой и невылеченной, если не считать стянувших ее опрятных швов.

- Болит? - спросила Мара, проводя пальцем чуть выше губ.

- Нет, - ответил он спокойно. - Там трещина, да?

Это было преуменьшением года…

И внезапно Мара поняла, что он еще не видел своего отражения. Не имея возможности

коснуться лица, он понятия не имел, какие серьезные раны на нем. Вероятно, никто даже не упомянул их, учитывая его намного более тяжелые проблемы.

Взволнованная и тронутая этим фактом она не могла решить, что ответить… Тогда она очень уверенно наклонилась… и нежно поцеловала его.

Его губы были теплыми и мягкими, и только жесткий шрам грубо надавил на ее уста, когда он ответил на поцелуй, слегка поворачивая голову. Они долго оставались в этом положении, охотно потерявшись в остановившемся мгновении, в безоговорочном выражении облегчения, освобождения.

Это ощущалось настолько правильно, настолько абсолютно и хорошо для Мары… и заставляло недоумевать, как его сердечный ритм на мониторе не пропустил ни одного удара - потому что ее-то сердце, конечно, пропустило, продолжая сумасшедше биться и распространяя теплый жар по телу. Когда она наконец отодвинулась, он внимательно смотрел на нее в течение долгих секунд, сразу недоверчиво и непринужденно - и удивительно хладнокровно.

Когда он заговорил, в надорванном, полном сомнений голосе, по-прежнему звучащим чуть громче хриплого шепота, послышался непритязательный юмор:

- Так что… мы этим обычно тут занимаемся?

Она улыбнулась, дразня его зелеными глазами:

- А ты не помнишь?

Он уже начинал проваливаться в сон, истощение еще слишком быстро настигало его.

- Послушай, это несправедливо, - пробормотал он, закрывая глаза.

Мара покачала головой, наблюдая, как он уже спит и прекрасно зная, что, когда он проснется, этот момент будет забыт - потерян во сне.

- Да, - прошептала она с сожалением, - это несправедливо.

http://tl.rulate.ru/book/24624/1245401